

Мария Ахметова, Михаил Лурье

БОЛОГОЕ: «МАЛЕНЬКАЯ СТОЛИЦА МЕЖДУ ДВУХ СТОЛИЦ»

Вероятно, большинство жителей России знает о существовании населенного пункта Бологое и о том, что это железнодорожная станция на середине пути из Москвы в Санкт-Петербург. Можно также с большой долей уверенности предположить, что источники этого знания вполне определенные. Во-первых, классическое стихотворение Самуила Маршака, герой которого, «рассеянный с улицы Бассейной», пребывая в уверенности, что едет на поезде Ленинград — Москва, спрашивает у стоящих на перроне людей:

*«Это что за остановка —
Бологое или Поповка?»*

Во-вторых, мало кто не слышал анекдот о поручике Ржевском, герои которого ведут следующий диалог:

Наташа: Ах, как быстро теперь можно добраться из Петербурга в Москву по железной дороге! Одна нога здесь, другая там!
Пьер: Как хотел бы я оказаться между этих ног!
Ржевский: Был я там, ничего интересного — дыра дырой. Бологое называется.

Наконец, третий и, по-видимому, основной источник представления о Бологом как о срединном между двумя столицами месте — песня весьма популярного в 1980-е годы ансамбля «Веселые ребята»:

*Что за наваждение такое?
Я всё повторяю адрес твой:
Бологое, Бологое, Бологое —
Это где-то между Ленинградом и Москвой¹.*

Приведенные строки сделались своего рода визитной карточкой Бологоро и бологовцев. Приведем начало беседы одного из авторов настоящей статьи с продавщицей²:

[Мы на самом деле впервые в Бологое приехали. А проезжали его сто раз в жизни.]
«Это где-то между Ленинградом и Москвой».
[А эту песню здесь, наверное, все знают?]
Наверное. Мы, как бологовцы, гордимся ей.

¹ «Бологое», муз. В. Добрынина, сл. М. Рябинина, 1987.

² В статье используются материалы нескольких межвузовских экспедиций, проходивших в г. Бологое в 2004–2005 годах. Вопросы интервьюеров заключены в квадратные скобки.

Суждения и устные рассказы жителей Бологого, стихи местных авторов, тексты краеведческих очерков и буклетов позволяют утверждать, что стереотипы самоописания бологовцев базируются все на том же срединном между Москвой и Ленинградом/Петербургом положении города. «*Меж двух столиц*», «*Бологое — город на железной дороге*»³ — типичные названия краеведческих изданий последнего десятилетия. Текст брошюры, выпущенной к 500-летию города, начинается следующим пассажем: «*Октябрьская магистраль. Поезда, поезда, поезда... Товарные и пассажирские, почтовые и скорые с поэтическими названиями “Красная стрела”, “Северная Пальмира”, “Юность”. На отдельных участках пути между Москвой и Санкт-Петербургом они мчатся со скоростью 200 км в час. <...> Мелькают названия станций и полустанков. А вот и середина пути — большая узловая станция Бологое, к которой вплотную примыкает город того же названия*»⁴.

Это ключевое для образа города обстоятельство интерпретируется местными жителями по-разному, однако вполне в духе устойчивой для русской культуры традиции (само)описания провинциальных локусов.

Между столицами: граница

Периферия наделяется в культуре качеством «недоосвоенности»⁵, а значит, потенциально может подпасть под влияние любого из центров, между которыми она расположена. Положение Бологого обусловило его специфический «пограничный» статус в культурной географии. В многочисленных текстах, в основном иронического характера, Бологое выступает в качестве переходного пространства, где соседствуют знаки «московские» и «питерские». Устный и сетевой фольклор изобилует шутками, обыгрывающими различия московской и петербургской речи. Одна из самых известных: в центре Бологого есть точка, где *бордюр* переходит в *поребрик*.

Часто Бологое выступает в качестве своего рода нейтральной зоны, где встречаются представители двух столиц. В 1970—1980 годы в ходу была легенда, что писатели братья Стругацкие, один из которых в то время жил в Москве, а другой в Ленинграде, работают над своими книгами в Бологом⁶. В 2004 году участники интернет-форума «Infon.ru», среди которых есть и москвичи, и петербуржцы, обсуждали идею встретиться в Бологом⁷. А в шуточном рассказе, повествующем о борьбе за сферы влияния между представителями питерской и московской контркультуры, конкурирующие стороны подписывают «меморандум» в том же «нейтральном» Бологом⁸.

Срединное положение города заставляет его жителей нет-нет да и задаваться вопросом, какая из столиц им ближе. В разговорах они обычно подчеркивают большее тяготение Бологого к Петербургу. Именно в Ленинград/Петербург, по их словам, обычно уезжали и уезжают на заработки и на учебу жители Бологого, тогда как в московском направлении — редко дальше областного центра, Твери.

³ Сычев В. В. *Меж двух столиц*: Стихотворения, графика, очерки. Тверь, 1998; Бологое — город на железной дороге: Буклет. Вышний Волочёк, 2001.

⁴ Бологое 500 лет / Автор текста И. В. Багажова. 1995.

⁵ Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 17–38.

⁶ Правый фантаст // Независимая газета. 10.09.1999; Юджин В. Умножая печаль, мы умножаем надежду: Интервью с Георгием Вайнером // Вестник. 2000. № 3 (236). 1 февраля.

⁷ Форум infon.ru: развлекательные услуги для мобильных телефонов [http://clone2.infon.ru/theme.phtml?tid=127831].

⁸ Чрезвычайная комиссия. Мифы и реалии контркультуры. Часть первая. Проект «Литпром» [http://www.udaff.com/archive/dirty].

Одна из жительниц города на вопрос, к какой из столиц ближе Бологое, ответила, что, скорее, к Петербургу, после чего последовал долгий монолог на тему, чем Петербург лучше Москвы. Главный аргумент — большое число музеев и, вообще, высокий уровень духовной культуры в Северной столице. Другая собеседница, сравнивая Петербург и Бологое, использовала в качестве критерия бытовую «культурность» — готовность подробно и любезно объяснить дорогу приезжему:

И в Ленинграде есть люди, чё ни спросишь, они объяснят. Чего не скажешь. Это и у нас всякий бывает. Объяснят и покажут и расскажут, и у нас также. Ну, не знаю, если когда чё спрашиваю, мне всегда всё объясняют.

То, что предпочтение чаще отдается Северной столице, иногда мотивируется географически: расстояние от Бологого до Петербурга на несколько километров меньше, чем до Москвы.

В обиходе бологовцев имеется целый набор шуточных сюжетов, в которых обыгрывается связь города с обеими столицами, в частности его «межевое» положение:

У меня приятель... Володя Карпенко... Он как-то разговаривал — то ли узбек, то ли таджик, гастарбайтер какой-то... И он ему плел байки. «А где ты живешь?» — «А вот в городе Бологое». — «А что это за город?» — «А вот, — говорит, — город как раз вот посередине как раз между Москвой и Питером. Вот у меня, — говорит, — дом в центре города и так вот я на крышу залезу. Я посмотрю, — говорит, — вот влево, там пригороды Петербурга видно. Я, — говорит, — посмотрю направо — там пригороды Москвы видно. Вот так вот, в таком месте живу».

Ощущение рубежности своего пространства вообще свойственно мировосприятию провинциала. В этом смысле Бологое как город между двумя столицами, известный, в частности, тем, что в нем встречаются поезда, одновременно вышедшие из Москвы и Петербурга, оказывается как бы эталонным провинциальным локусом.

Между столицами: глубинка

Равноудаленность от двух центров осмысливается и как максимально возможная удаленность от каждого из них (по формуле «дальше середины в лес не зайдешь»). В связи с этим город, а тем более «станция» Бологое нередко рисуется провинциальной *глубинкой* — со всеми отвечающими данному понятию позитивными и негативными коннотациями.

В процитированной песне о Бологом ощущение провинциальности, удаленности создает неопределенное местоимение «где-то», на одну стопу удлиняющее стих по сравнению с предыдущим:

*Бологое, Бологое, Бологое —
Это где-то между Ленинградом и Москвой.*

Во «внешних» текстах о Бологом *глубинка* часто оборачивается *дырой*, причем иной раз, как в приведенном выше анекдоте, в непристойном смысле.

Не случайно именно в этой «дыре», на станции Бологое, которая в прекратившей свое существование телепрограмме «Красная стрела» получила нарочито неблагозвучное название *Волобое*⁹, вели политические споры Хрюн и Степан.

⁹ О традиции использования вымышленных ойконимов, воплощающих идею глубинки, см.: Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального городка) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 457–482.

Местные жители узнали в Волобом свой город не только по созвучию названий, но и по характерным городским видам:

Вот показывали — Хрюша да этот... Поезда-то показывают, ой, как передача эта, не знаю, щас есть или нет, по телевизору-то.

[Это «Красная стрела»?]

Да, «Красная стрела». Там вот показывают действительно наше вот Бологое. Вот там и считай всё — также переходное [переходной мост через железнодорожные пути. — М.А., М.Л.], такой как в мультике сделано, ну вот считай как наше переходное, там какой-то туннель, вот это всё как будто бы... с той стороны особенно если показывают — ну похоже вообще.

[И что, там прямо говорится, что это Бологое?]

Нет, там нет, там что-то по-другому маленько написано это. Но тоже звучит так же.

Ощущение, что они живут в захолустье, у жителей Бологого усугубляется еще и тем, что судьбу своего города они считают типичной для российской провинции.

Захолустный городишко. Это раньше мало-мальски процветало, а теперь отделение Октябрьской дороги закрыли, и всё. На глазах гибнет городишко.

[А когда Бологое процветало?]

В мою бытность оно никогда не процветало, как и вся Россия.

С другой стороны, как типичный провинциальный город, Бологое репрезентирует всю страну, за исключением двух столиц, как огромную провинцию. Вот фраза из выступления генерального директора ОАО «Тверьоблгаз» на праздновании в Бологом Дня города в 2005 году: «У нас Россия вся состоит... это не Москва и не Питер, конечно. Это состоит из таких городов, как ваш».

Представление о глубинке и захолустье включает в себя и мотив удаленности, оторванности от крупных центров или путей сообщения. Город, стоящий на одной из главных железнодорожных магистралей, едва ли можно считать затерянным, погруженным в природное и отрезанным от культурного пространства. Однако то обстоятельство, что Бологое окружено болотами, накладывает отпечаток и на образ самого города. Ярче всего это проявляется в рассказах о произошедшей в 1988 году близ Бологого железнодорожной катастрофе:

«Там болото, большое болото. Такое место низкое. Болотистое. Вот здесь вот произошла эта катастрофа... Даже это, мы доставали из этого болота людей. Трупы. Погибших. Много погибло людей, много...»; «Не знаю там, правда или нет, по слухам-то, в общем, говорят, что там один вагон так и не достали. Вот с людьми он, со всем так и ушел там. Жуткое место там вообще, там топь везде и не подъехать никак».

Таким образом, бологовский край представляется многим жителям местом глухим, опасным, гиблым.

Положительные высказывания о Бологом типичны для всех такого рода отзывов о провинции¹⁰. Обычно отмечается размеренность жизни, патриархальность уклада, духовность и т. п. «...Но как добрая неистребимая привычка, как дань ушедшей патриархальности, осталась еще такая “прошлая”, тихая и неспешная

¹⁰ Анализ устойчивых «позитивных» и «негативных» представлений о провинции в современном массовом сознании см.: Разумова И. А., Кулешов Е. В. К феноменологии провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции 29.08 — 1.09.2001, Тверь. Тверь, 2001. С. 12–25.

жизнь во многих домах бологовских обывателей»¹¹. Другая значимая характеристика Бологого как привлекательного уголка провинции — близость к природе, погруженность в прекрасный валдайский ландшафт. Город расположен вокруг живописного Бологовского озера, поэтому «городом озерной тишины можно назвать Бологое. Озеро — его душа, его легенды и его история»¹². С обилием озер обычно связывают особую привлекательность этих мест, «озерный» мотив присутствует почти во всех экскурсионных, краеведческих и, шире, презентивных текстах:

«Александров вот, руководитель военного ансамбля, он здесь, в Бологое жил. Напротив здесь, вот. Дальше, здесь очень такие крупные ученые были. Рерих был... Вообще, Бологое — оно славится. Здесь прекрасные места, очень много... знаете, как говорят, — природа сама привела их сюда. Здесь, если на озера вам поехать, одно, второе, третье, четвертое. В нашем Бологовском районе пять огромных озер. Только вот здесь. Вот, это место привлекало всех».

Именно природное богатство бологовского края делает этот провинциальный городок для его жителей привлекательнее обеих столиц (разумеется, на уровне поэтической риторики, а не в реальных жизненных предпочтениях):

*Мне б по ягоды, и не надобно
Мне ни Питера, ни Москвы,
Отдыхать поеду на Кафтино,
На Платищенку по грибы.
Мне и с тополем и с осинкою
Есть о чем поговорить,
Бологое, край мой синий,
Как тебя мне не любить!¹³*

Образ города не отделяется от образа окружающего его природного пространства, элементы второго естественным образом встраиваются в первый и так или иначе оказываются созвучны его провинциальным, «глубиночным» коннотациям. Показательно, что две наиболее распространенные народные этимологии топонима Бологое — от «благое» и от «болото» — базируются на представле-

¹¹ Крылов Ю. Бологое — город железнодорожников: Пособие по краеведению для учащихся средних школ и ПТУ. Б. м. и б. г. С. 3.

¹² Там же.

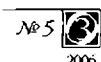
¹³ Из песни, открывавшей празднование Дня города Бологое в 2005 году.

нии об этом месте как о глубинке. Только в одних случаях с этим понятием связывают представление о нетронутой природе, тишине и благолепии, а в других — глухом, гиблом месте. Приведем два фрагмента из бесед с жителями Бологого:

[А слово «Бологое» откуда произошло?]

Вы знаете, я вам точно не могу сказать, но как-то я ехал на экскурсию... И нам экскурсовод сказал, что никто не может твердо сказать, от какого слова: то ли «благое» — хорошее место, то ли Бологое от болотного места, у нас тут кругом болота. Кругом болота. Дак вот, здесь вот одно из них — «болотное место» или «хорошее, благое место»;

Есть два значения названия. Первое — не Бологое было, а Блáгое. И Благóе. Первое оттого, что благополучное, хорошее, доброе место. Благие намерения, благое. А второе «благое» — это дурное место, оттого, что в топких местах там погибали коровы, люди тонули¹⁴.

Между столицами: центр

Наконец, из-за своего срединного между двумя столицами положения город как бы оказывается в абсолютном центре административной карты страны. Идея центральности, которой отвечает и статус Бологого как крупного железнодорожного узла, в том или ином виде присутствует в суждениях жителей города, в стихах о Бологом, в краеведческих текстах и т. п. В стихотворении бологовской поэтессы О. Марковой узел Бологое «связывает» железные дороги всей страны:

*Между Петербургом и Москвою
Есть на карте старый городок
С песенным названьем — Бологое,
Узел ста путей и ста тревог!
Со всяя Святой Руси сюда
Едут-мчатся чудо-поезда...¹⁵*

Представление о Бологом как о центре порождает соответствующие метафоры. Одна из наиболее употребимых — «сердце страны». К этому сердцу сходятся артерии — железнодорожные линии. Центральность города, понимаемая как важность, незаменимость для страны, подчеркивается и той ролью, какую сыграли бологовские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны.

*...Между Ленинградом и Москвою
Прервано движенье на пути,
Но как сердце бьется Бологое,
Ни на шаг не может отойти.

И тогда решили уничтожить
Сердце то, послав воздушный смерч,
И бомбили асы из люфтваффе,
Тоннами послав на землю смерть.

Улетали, сделав дело злое,
И писали рапорты в Берлин,
Что разгромлен узел Бологое
И живым не встанет ни один.*

¹⁴ Одна из собеседниц связала отрицательное значение слова «благое» с выражением «орать благим матом».

¹⁵ Визитная карточка Бологое и Бологовского района [<http://bologoe.library.tver.ru/vizitka.htm>].

*Но еще не смолкли взрывов звуки
И еще не села наземь пыль,
Как сквозь эти ужасы и муки
Встала жизнь, как сказочная быль.*

*Встала жизнь в лице простых рабочих,
Встали женщины, мужчины, старики,
Встали, взяв в израненные руки
Шпалы, рельсы, ломы, молотки.*

*Шли они голодные, худые,
Как на бой, на подвиг ратный шли,
Клади шпалы, рельсы боевые,
Чтобы поезда по ним пошли...¹⁶*

По рассказам, в период, когда столице всерьез угрожал враг, Бологое временно сделалось информационным центром страны:

Вот это я не знаю, слухи это или нет, я знаю, что одно время здесь у нас Левитан водил, то есть вёл сводки Совинформбюро, вот, особенно когда к Москве немец шел. Говорят, что у нас на Красной Горке есть такой вот дом, он и сейчас сохранился, там, по-моему, было детское отделение, сейчас психиатрическое отделение, лечат алкоголиков, каменное такое здание... И в этом здании, вот, находилась связь, вот, правительственная. И вот Левитан, Юрий Левитан, сколько там, месяц или два, сколько, пока вот шли бои, от нас вёл, вот, сводки свои.

Иногда о «центральности» Бологоя и даже о его «столичности» говорится напрямую. Приведем фрагмент сценария праздничного представления, посвященного 510-летию Бологоя (2005 год, дипломная работа студентки Тверского училища-колледжа культуры им. Н. А. Львова Олеси Султановой). Программу ведут актеры, представляющие князя и княгиню Путятиных, бывших местных землевладельцев и своего рода бологовских *geniorgit loci*:

Путятин: Символично, что торжества, посвященные Дню города и Дню железнодорожника, начинаются с места, где когда-то стоял путятинский дом-усадьба, бывший в свое время культурным центром провинциальной России. На редкость одаренные, талантливые люди собирались на лето в Бологое. Художники, историки, музыканты, искусствоведы. В этом доме устраивались театральные выступления, давались балы и музыкальные вечера.

Путятин: Отсюда начинались императорские охоты. И тогда на несколько дней этот дом в Бологое становился резиденцией российского монарха. Великие князья, зарубежные дипломаты, многочисленная свита... Бологое превращалось в филиал столицы Российской империи.

На праздновании Дня города в следующем, 2006-м году глава администрации Бологовского городского поселения С. Н. Кульбаков произнес следующее:

Вот мы с вами находимся между двух столиц... Между физической столицей — это Москва, между исторической столицей — это Санкт-Петербург. А сегодня мы с вами — маленькая столица между двух столиц. И именно сегодня мы с вами столица... Особенно хочу обратиться к молодежи. Не уезжайте в те столицы, физические и исторические. Мы постараемся вместе с вами в ближайшее время нормально обеспечить вас и жильем и досугом. Ну а магазинов у нас хватает, сегодня мы с вами можем купить всё то же, что

¹⁶ Королев В. Г. Памятник // Новая жизнь (Бологое). 1998. № 31. 19 марта.

в Москве, в Питере. Поэтому, молодежь, не надо уезжать. Давайте закрепляться, рождать детей и быть здесь будущими хозяевами нашего города.

Обстановка праздника, тем более Дня города, способствует предельной актуализации городского мифа. Но и в обычной жизни бологовцы часто называют Бологое столицей (правда, обычно в ироническом ключе). Бывшая учительница в разговоре с авторами этих строк принесла такую фразу: «*Столичная здесь я, а вы два пригорода — Москва и Петербург*».

Восприятие и презентация своего города как центра страны или региона вообще характерно для жителей провинции¹⁷. Так, Старая Русса может представляться центром России¹⁸, Пермь — центром (и одновременно окраиной) мира¹⁹, центром России или центром Евразии²⁰, Екатеринбург — третьей столицей России, евразийской столицей (и одновременно — окраиной Европы и границей между ней и Азией)²¹ и т. д. Другой вариант — объявление города «столицей» (обычно региона, например «столица Западной Сибири», или отрасли, например «нефтяная столица»). Он получил такое распространение, что даже в «официальных» самопрезентационных текстах часто обыгрывается иронически. Так, при въезде в город Луховицы, расположенный между Москвой и Рязанью, над шоссе красуется огромный транспарант с видами города и следующим текстом:

*Есть в России три столицы:
Москва, Питер, Луховицы!*

Значительно менее распространена модель «несостоявшейся столицы»: так, в Переславле-Залесском один из наших собеседников назвал свой город «сердцем России», поскольку он находится посередине «*между Москвой и Ярославлем. 120 километров туда, 120 километров сюда*», и «*если бы судьба не повернулась бы, он бы был столицей*»²².

Многие «внешние» тексты также связывают идею Бологорого как абсолютного центра с его межстоличным расположением. Так, при обсуждении на интернет-форумах темы переноса столицы в качестве кандидата регулярно предлагается Бологое. Вот два примера:

*Столицу надо перенести в Бологое, как раз между Москвой и Питером. И установить жесткую квоту на количество федеральных министерств и чиновников в новой столице России. Воздух в Москве и Питере сразу станет значительно чище, поскольку люди там займутся делом*²³;

¹⁷ Ср.: «Если же мы в виде той же окружности попытаемся изобразить соотношение столицы и провинции, то центральное положение (не в смысле материальных благ, а в смысле репрезентации сущностного) неизбежно будет занимать провинция: она специфичнее и характернее» (Строганов М. В. Провинциальность и смежные категории // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию В. Г. Краснова: Сб. науч. ст. Коломна, 2001. С. 194).

¹⁸ Литягин А. А., Тарабукина А. В. К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб, 2000. С. 334–347.

¹⁹ Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 102–116, 125–131.

²⁰ Кондаков Б. В. Пермская земля: реальность и мифы // Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли: Материалы круглого стола. М., 2000. С. 28–31.

²¹ Литовская М. А. Бажов и символическое пространство Екатеринбурга // Региональные культурные ландшафты: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2004. С. 32–33.

²² Интервью с Михаилом, около 35 лет, род. в г. Переславле-Залесском, торгует сувенирами.

²³ Форум «Русского журнала» [http://www.russ.ru/forums/msg/942/1554.html?920010156].

*Типун тебе на язык <ответ петербуржца на предложение перенести столицу в Петербург>, не дай боже нам стать столицей, не надо мне всех этих прелестей столицы. Предлагаю на роль столицы Бологое (это где-то между Ленинградом и Москвой)*²⁴.

Мотив переноса столицы в Бологое присутствует также в текстах религиозных и эзотерических сообществ. В таких случаях он носит характер программы или пророчества. К примеру, астролог В. Ледовских в одном из своих прогнозов писал, что положение звезд указывает на необходимость переноса столицы в Бологое²⁵. Пророк религиозного движения «Бажовская академия сокровенных знаний (бажовцы)» В. Соболев предрекает, что Москва и Петербург будут разрушены, а столицей страны станет Москвопетроград — город, который будет выстроен рядом с Бологим; впрочем, это будет «подсобная» столица, а настоящий политический центр переместится в Царьград²⁶.

Это пророчество заслуживает отдельного комментария. С одной стороны, идея разрушения, гибели в «последние времена» обеих русских столиц и появления новой традиционна для эсхатологического фольклора²⁷. С другой стороны, скорей всего, «Москвопетроград» был заимствован пророком Соболевым из «Великой Дивеевской тайны» — недавно переизданного эсхатологического текста XIX века²⁸. В нем Москвопетроград — не будущая столица России, но место рождения антихриста (что не отменяет его эсхатологического значения как «великого города»), и, разумеется, этот город никак не соотносится с Бологим. Соболеву же, столетие спустя, именно Бологое, нагруженное соответствующей пространственной семантикой, показалось наиболее удобным местом локализации нового центра, совмещающего (или замещающего) одновременно две исторические столицы.

Надо сказать, что и самим жителям Бологое в какой-то степени не чужда идея, что для духовного будущего страны их город будет иметь особое значение. Например, одна из наших собеседниц, активный член местной церковной общины, считает, что общенародное покаяние, без которого России не спастись, невозможно без восстановления и освящения храма, построенного в Бологом в честь трехсотлетия дома Романовых:

...Ну конечно, об этом, о покаянии, всё время говорят. Но, чтобы покаяться, вот, покаяние в Бологое находится.

[В смысле?]

В смысле — храм трёхсотлетия дому Романовых... Вера без дел мертва, вера без дел мертва. Вот, покаяние — мы возвращаем сначала вот этот храм, да? Прикладываем свои руки. А потом мы, значит, мы уже начинаем, как, какое там покаяние пойдёт — это уж священники нам скажут. Вот, ну, возвратим мы то, что было, царю. Для царя это построено...

²⁴ Форум «Частного клуба Алекса Экслера»

[<http://forum.exler.ru/arc/index.php?s=0&showtopic=47284>].

²⁵ Прогноз опубликован в газете «Известия» за 13 января 2004 года.

²⁶ Филатов С. Б. Современная Россия и секты // Новое время. 1996. № 8. С. 200–225.

²⁷ См.: Ахметова М. В. Город в современных эсхатологических предсказаниях // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 74–80.

²⁸ См.: Приложение к «Великой Дивеевской тайне». Из семейного архива Флоренских // Литературная учеба. 1991. № 1. С. 133–134.

Ср. также фантастическую повесть В. Ф. Одоевского «4338 год», в которой описывается город будущего, занимающий огромную территорию, которая некогда включала и Москву и Петербург.

Бологое: «маленькая столица между двух столиц»

[А говорят, что уже скоро монархия будет и что царь, который взойдет на престол, уже есть, и где-то в народе?]

Нет, такого я не слышала. Еще место ему не готово. Да сначала мы должны царя в его храм ввести... Ну, мы хотя бы его династию, царской, трехсотлетия, храм построим. В России же этого не было. Это же монастырь устроил, в связи с празднованием рождения наследника. И бологовские жители, вот, подарили землю для такого события. Так как же так? А храм не будет готов. Господь медлит. Пусть там и ждут царя, а Господь медлит. Он скажет: «Нет, а вот...» Ему всё видно свысока: какой им царь, когда вот, царский храм — там, вот, колят, машины гудят? <в здании храма расположено предприятие> Нет, Россия не готова.

Итак, Бологое — город «меж двух столиц» — предстает как в текстах «местного производства», так и во «внешних» суждениях то центром страны, то провинциальным захолустьем, то границей, разделяющей сферы влияния Москвы и Петербурга. В целом очевидно — и мы старались это проиллюстрировать, — что «бологовский текст» использует те же модели, что и современный провинциальный текст в широком смысле, и во многом сопоставим с другими локальными текстами. В этом отношении город Бологое является традиционным, в каком-то смысле даже «идеальным» провинциальным локусом. С другой стороны, такие факторы, как срединное между двумя столицами положение и ярко выраженная «железнодорожная» зависимость, обуславливают выделенность Бологого как элемента культурного ландшафта России и, соответственно, определенное своеобразие локального самосознания, что и отражают городские тексты.

